

*Посвящается моей маме,
которая научила меня
держаться за мечту*

Ара

Суджин одержима карьерой в рум-салоне. Сегодня она пригласила живущую напротив Кьюри в нашу квартиру, и мы втроем, устроившись на полу треугольником, разглядываем из окна улицу. Она пестрит и сверкает барами. Мимо плетутся пьяные мужчины в деловых костюмах, размышляя, куда бы завернуть на следующий круг алкомарафона. Уже поздно, и из бумажных стаканчиков мы попиваем соджу*.

Кьюри работает в «Аяксе», самом дорогом рум-салоне в Нонхене. Мужчины водят туда клиентов и партнеров, чтобы в темных продолговатых комнатах за мраморными столами обсудить дела. Я ушам не поверила, узнав от Суджин, сколько эти бизнесмены платят девушке вроде Кьюри за ночь — чтобы та просто сидела рядом и наполняла их стаканы спиртным!

* Традиционный корейский алкогольный напиток. Изготавливается в основном из сладкого картофеля или из зерна.

До знакомства с Кьюри я даже не слышала о рум-салонах, но теперь, зная, на что обращать внимание, вижу их в каждом переулке. Снаружи они практически незаметны. Указатели прячутся над затемненными лестницами, ведущими в подземные миры. А в этих мирах мужчины платят за возможность побыть напыщенными королями.

Суджин хочет тоже найти работу в этой сфере — ради денег. Сейчас она выспрашивает, где Кьюри исправила себе форму глаз.

— Я сделала пластику в Чхонджу, — с сожалением говорит Суджин. — Роковая ошибка. Просто посмотри на меня.

Она широко открывает глаза. Да, слишком высоко пришитая складка правого века придает ее взгляду лукавости и раскосости. И даже если не обращать внимания на эту асимметрию, из-за чересчур квадратных черт лица Суджин сложно назвать красивой по чисто корейским канонам. К тому же ее нижняя челюсть чересчур выдается.

Кьюри же, напротив, добилась невероятной красоты. Швы на ее двойных веках естественно-незаметны, нос слегка вздернут, скулы сужены, а заостренный подбородок очарователен — благодаря реконструкции челюсти. Длинные перистые ресницы наклеены вдоль татуажных стрелок на глазах, а регулярная светотерапия делает кожу молочно-белой и сияющей. Совсем недавно Кьюри без умолку рассказывала о масках из листьев лотоса и керамидосодержащих добавках, улучшающих вид зоны декольте. Лишь одно в себе Кью-

ри, как ни странно, не тронула — волосы, темной рекой ниспадающие на спину.

— Какой я была глупой. Мне следовало подождать еще пару лет. — Бросив на идеальные черты Кьюри очередной завистливый взгляд, Суджин вздыхает, смотрится в маленькое зеркальце и добавляет: — Бесплезная трата денег.

Вот уже три года мы с Суджин снимаем квартиру на двоих. Мы вместе ходили в среднюю и старшую школу в Чхонджу. Старшая школа — профессиональное училище, потому учеба там длится всего два года, но Суджин не закончила даже ее. Она всегда рвалась в Сеул, лишь бы сбежать из детдома, где выросла, и после первого года учебы решила попытаться счастья в академии парикмахерского искусства. Однако с ножницами она управлялась неважно, а портить парики оказалось затратно, потому Суджин ушла оттуда, предложив мне занять ее место.

Теперь я — полноправный стилист, и несколько раз в неделю, ровно в десять утра, Суджин приходит ко мне на мытье и сушку головы, а потом отправляется в свой маникюрный салон. Несколько недель назад она привела мне новую клиентку — Кьюри. Для маленьких парикмахерских ухватить девушку из рум-салона — большая удача и выгода: таким каждый день нужны профессиональная укладка и макияж. В Кьюри меня раздражает одно: иногда она разговаривает слишком громко, хотя Суджин объяснила ей, что

у меня нет проблем со слухом. А еще за спиной я часто слышу, как она шепчется о моем «положении» в парикмахерской. Однако, мне кажется, она делает все это не со зла.

Суджин тем временем продолжает жаловаться. Она переживает из-за век, сколько я ее знаю, — и до, и после операции. Оперировавший ее доктор был супругом одной из наших преподавательниц и занимался мелкой пластической хирургией в Чхонджу. В тот год около половины учащихся школы сделали операции на веках, потому что преподавательница предложила скидку пятьдесят процентов. Другая половина, включая меня, не могла себе позволить даже этого.

— Я так рада, что мне больше не нужны операции, — признаётся Кьюри. — Я хожу только в одну клинику, лучшую и старейшую в «Поясе красоты» в Апгуджонге. Такие актрисы и певицы, как Юн Минджи, тоже часто там бывают.

— Юн Минджи! Обожаю ее! Она такая красивая. К тому же она очень приятный человек. — Суджин с восхищением смотрит на Кьюри.

— Эх. — На лице Кьюри читается досада. — Да уж, с ней точно все в порядке. Думаю, она ограничилась лазерной шлифовкой, когда после съемок нового шоу у нее появились веснушки. Эти съемки проходили в деревне, только представь, сколько там солнца!

— О да, нам нравится это шоу! — Суджин пихает меня локтем в бок. — Особенно Аре. Она с ума

сходит по тому парню из бой-бенда «Краун», самому младшему! Видела бы ты, как она каждую неделю после окончания программы слоняется по комнате.

Делая вид, что хочу ее стукнуть, я качаю головой.

— Тэин? Я тоже считаю, что он милашка! — Кьюри снова говорит слишком громко, и Суджин с огорчением смотрит на нее, затем — на меня. — Его менеджер иногда ходит в «Аякс» с другими мужчинами. Эти типы носят самые облегающие костюмы, какие я когда-либо видела. Вероятно, они инвесторы: менеджер всегда распинается перед ними о том, насколько Тэин популярен в Китае.

— С ума сойти! В следующий раз напиши нам сообщение. Ара все бросит и побежит к тебе, — с улыбкой просит Суджин.

Я хмурюсь и достаю записную книжку с ручкой — их я предпочитаю телефону. Писать от руки — это же почти как говорить.

«Тэин слишком юн, чтобы ходить в такие места, как “Аякс”», — пишу я.

Кьюри наклоняется и смотрит на текст.

— Чунг Тэин? Он наш ровесник. Ему двадцать два.

«Это я и имею в виду».

Кьюри и Суджин смеются.

Суджин ласково называет меня «иногонджу», или «русалочка». Это потому, говорит она, что русалочка потеряла голос, а затем снова обрела его

и жила счастливо. Я не уточняю, что это мультфильм, к тому же американская версия. В оригинальной истории героиня кончает жизнь самоубийством.

Мы с Суджин познакомились на первом году обучения в средней школе, когда нам поручили работать на тележке с бататом. Многие подростки в Чхонджу так зарабатывали себе зимой на карманные расходы: стояли на углах заснеженных улиц, жарили батат в маленьких жестяных бочках на углях и продавали на несколько тысяч вон каждый. Разумеется, этим занимались только плохиши, те, кого называют илджин — бандой; такие есть в каждой школе. Ботаники же были заняты подготовкой к вступительным экзаменам и ели ланчи из милых маленьких коробочек, которые по утрам собирали им мамы. Опять же, те, кто торговал бататом, были *хорошими* плохишами. По крайней мере, за деньги мы предлагали людям хоть что-то. Настоящие плохие ребята отнимали деньги просто так.

За лучшие уличные углы велись жестокие бои, и мне очень повезло оказаться в паре с Суджин: она умела быть безжалостной. Прежде всего она научила меня пользоваться ногтями. «Ты можешь выцарапать ими глаза кому угодно или пробить дыру в горле, если захочешь. Но твои ногти должны быть достаточно крепкими и длинными, чтобы не сломались в критический момент. — Она осмотрела мои и покачала головой. — О да, эти точно не сломаются». После этого она посо-

ветовала мне укрепляющие витамины и уплотняющий лак.

В те времена я еще могла говорить. Мы с Суджин шутили, и пели, везя тележку, и во всю глотку кричали, заманивая прохожих: «Батат полезен для вашей кожи! Он делает вас здоровее и красивее! А еще он такой вкусный!»

Несколько раз в месяц старшеклассница Нана, уступившая нам свой завидный угол, забирала полагавшиеся ей пошрины. Она была популярным членом илджин и после серии легендарных драк отвоевала себе целый район. В последней она все же сломала мизинец и на время выздоровления передала нам свою территорию.

Нана периодически отвешивала оплеухи всем девочкам в школьных туалетах, но меня любила: я была единственной из банды, у кого не было парня. «Ты знаешь, что главное в жизни, — всегда говорила она мне. — А еще ты выглядишь невинной, и это здорово». Я благодарила ее и низко кланялась, а затем она отправляла меня за сигаретами. Хозяин магазина на углу не продавал их ей: ему просто не нравилось ее лицо.

Думаю, я знаю, почему Суджин так помешана на внешности. Она выросла в «Лоринг-центре», который все в округе считали цирком уродов. Здесь жили не только сироты, но также инвалиды и умственно отсталые. Суджин рассказывала, что ее родители погибли, когда она была совсем ребенком. Но недавно мне пришла в голову мысль,

что ее вполне могла подбросить в приют какая-нибудь молоденькая девушка. Возможно, мама Суджин тоже работала в рум-салоне.

Я всегда говорила, что мне нравится навещать Суджин в «Центре»: там хотя бы никто за нами не следил. Мы могли пить любые просроченные напитки, пожертвованные продуктовыми магазинами, и без лишних вопросов припарковывать тележку с бататом. Но, по правде говоря, иногда мне становилось не по себе при виде ковыляющих по территории инвалидов и сиделок, бубнящих им что-то монотонными голосами.

— Не хочется говорить об этом, но Тэин делал реконструкцию там же. Мне проболталась менеджер клиники. — Кьюри бросает на меня лукавый взгляд. Я пристально смотрю в ответ, и она пожимает плечами. — Я к тому, что у них лучшее в мире хирургическое оборудование. Было бы глупо *не* исправить лицо там, если хочешь быть звездой. — Она медленно поднимается и по-кошачьи потягивается.

Мы с Суджин, не сводя с нее глаз, тоже начинаем зевать. Втайне я обижаюсь на Кьюри за сплетни о Тэине. Не верится, что он себе что-то исправлял — разве что вставил вини́ры*. У него даже нет двойных век.

— Подожди, ты ведь говоришь о клинике «Золушка»? Да? Я права? — Глаза Суджин сужаются.

* Фарфоровые или керамические накладки, замещающие внешний слой зубов.

Кьюри кивает.

— Я слышала, там работают лучшие выпускники Сеульского университета!

— Именно, там даже есть стена, увешанная фотографиями врачей, и в каждом описании указан Сеульский университет. Журналы называют это место «фабрикой красоты».

— И главврач очень именитый? Доктор Шин или как-то так?

— Доктор Шим Хек Санг. К нему всегда огромная очередь, люди записываются на месяцы вперед. Доктор понимает, что будет в моде, еще до того, как появится тренд, и знает, как девушки хотят выглядеть. Это так важно, понимаете?

— Точно, он! Я читала о нем в «Бьюти хаkere». На прошлой неделе они написали про Шима большую статью.

— Он очень приятный человек. И талантливый!

Кьюри машет рукой перед своим лицом, подмигивает и пошатывается. Присмотревшись, я замечаю: она совершенно пьяна.

— Он правда твой доктор? — Суджин подается вперед. Я тут же понимаю, к чему все идет.

— Да. Одна подруга познакомила нас, и мне не пришлось платить столько, сколько он обычно берет. Сама она исправила себе линию роста волос и икры.

— Потрясающе! — Суджин скачет на месте. — А могла бы и ты порекомендовать меня? Мне *очень* нужно исправить челюсть, а в статье говорилось,